

УДК 316.75

К ПРОБЛЕМЕ ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «ИДЕОЛОГИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Д.В. Родичкин

ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет, г. Москва

Идеология относится к числу феноменов, изучение которых остаётся остроактуальным и по сей день. В то же время это крайне неудобный объект научного анализа: в научной литературе уже более двухсот лет сохраняется неоднозначная оценка идеологии как социального явления. В центре внимания исследователей находятся как содержательные аспекты идеологии, так и функциональные, ставящие вопросы о её месте, роли и функциях в обществе. При этом исследования могут иметь как прикладной характер, рассматривая непосредственно вопросы идеологической работы, так и методологический, изучая природу идеологий, методы их выявления и описания. В статье предпринята попытка переосмыслить многообразие толкований указанного феномена и дать определение идеологии с позиций современной социальной теории.

Ключевые слова: *идеи, идеология, марксизм, классы, ложное сознание, позитивизм, деидеологизация, социология, интерес, ценности, идейно-ценностная ориентация.*

С момента возникновения термина «идеология», по сути совпавшим с его введением в научный оборот, мыслителями были сформированы самые разнообразные методы изучения стоящего за ним феномена. Каждому обществу и каждой эпохе свойственно особое видение проблемы дефиниции указанного понятия. Многообразие определений и трактовок, существующих в настоящее время, предполагает значительную методологическую трудность в проведении исследования.

Автор термина «идеология» французский философ и экономист Д. де Траси рассматривал данный феномен как науку об идеях¹ и законах челове-

---

¹ Следует отметить, что идея, как форма научного познания, объединяет в себе объективное знание об окружающей человека действительности, её закономерностях и связях, а также субъективную цель, направленную на преобразование этой действительности. Именно в идеях фиксируется необходимость и возможность такого преобразования. При этом идея опирается не на застывшее и неизменное знание о «здесь и сейчас», но на подвижное отражение знания о действительности в его развитии, в процессе становления, в тенденции. Таким образом, идея содержит знания не только о сущем, но и о должном, направляя познавательную деятельность человека на практическое преобразование действительности согласно содержанию имеющегося знания. В гносеологическом плане без идеи как средства познания действительности, невозможно представить ни процесс мышления, ни реализацию человеком продукта мыслительной деятельности в практических действиях. Воспринимая идею, человек ориентируется на определённую практическую деятельность, одновременно обретая цель, смысл и ценностную ориентацию в социуме. Воспринятая и усвоенная идея становится для индивида убеждением.

ского мышления, утверждая, что эта новая наука должна быть столь же точной, что и естественные науки. К началу XIX в., в условиях масштабных социально-политических трансформаций и разрушения традиционных устоев европейского общества стремление к теоретическому и, по возможности, беспристрастному осмыслению происходящего, а также выработке стабильных ценностных ориентиров развития общества и основ мировосприятия – явление вполне закономерное, равно как и возникновение идеологии как науки.

Наука об идеях, изучающая их происхождение и закономерности эволюции в процессе развития общества, помогла бы установить твёрдые интеллектуальные основы для политики, этики и иных сфер общественной жизни. Автор утверждает: «Эту науку можно назвать идеологией, если исходить только из её темы; общей грамматикой, если обращать внимание только на её средства, и логикой, если рассматривать только её цель. Однако, как бы её не именовать, она обязательно охватывает эти три аспекта, ибо невозможно серьёзно заниматься одним из них, не занимаясь двумя другими. Идеология представляется нам родовым термином, так как наука об идеях включает в себя и науку об их выражении, и науку об их дедукции» [8, с. 38].

К середине XIX в. идеология уже воспринимается как неотъемлемая часть политической борьбы и трактуется преимущественно как совокупность идей и теорий, в ложной, мистифицированной форме выражающая интересы больших социальных групп. Практически любое социальное явление, направленное на изменение или, напротив, на сохранение существующих общественных отношений воспринималось как идеологически окрашенное политическое действие. В силу указанных обстоятельств понятие «идеология» приобрело существенно негативную окраску, поскольку ассоциировалось с принуждением, внушением и насаждением взглядов ввиду своего изначального качества «ложности» или даже «лживости» [7, с. 61].

Точка зрения на идеологию как понятие, отличающее и обозначающее социально-политическую направленность различных теорий, концепций, взглядов и т. п., базируется на утверждении обусловленности идеологии материальными факторами жизнедеятельности определённых социальных групп, в силу чего она представляется теоретическим обоснованием коллективных интересов и связывается с деятельностью специфического коллективного субъекта.

Как бы то ни было, термин «идеология» прочно обосновался в научном мире, получив освещение в различных социальных науках в качестве предмета исследования и инструментального понятия. Труды К. Маркса и Ф. Энгельса, М. Вебера, К. Манхейма, Г. Маркузе, Т. Парсонса, А. Шюца и многих других исследователей были посвящены изучению проблем природы идеологии, её генезиса, взаимосвязи с наукой, истиной, познанием, гуманистическими ценностями и пр.

Безусловно, особое место в вопросе изучения понятия идеологии занимает марксистская концепция взаимосвязи идей и интересов. В дискуссии о том, является ли понятие идеологии центральным в системе марксизма или, напротив, второстепенным, искусственным продуктом и отдалённым отражением классового мышления, сторонники обеих позиций черпали подтверждение своим суждениям в трудах основоположников системы, порождая своеобразное противоречивое единство. Данное обстоятельство в первую очередь

можно объяснить неоднозначным пониманием того, какой именно смысл изначально вкладывался в рассматриваемое понятие.

Характерная для второй половины XIX в. трактовка идеологии – совокупность спекулятивных умозрительных конструкций, разновидность ложного сознания. Длительное время подобная концепция была доминирующей как у сторонников марксизма, так и среди иных мыслителей. К. Маркс интерпретировал все духовные формы культурного бытия как «идеологическую надстройку», являющуюся иллюзорной формой общественного сознания. Согласно его трудам, идеология – иллюзорное отображение бытия, создание классом иллюзий о самом себе [17, с. 137; 18, с. 25]. В дополнение к этому в «Коммунистическом манифесте» находим такую мысль: «...часть буржуазии переходит к пролетариату, именно – часть буржуа-идеологов, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения» [19, с. 434]. Иными словами, личность мыслит в категориях того класса, к которому она принадлежит, и лишь немногие индивиды могут выйти за рамки подобной предопределённости.

Таким образом, идеология – ложное сознание, отражающее материальные отношения в обществе. Иллюзорность идеологических представлений определяется мнимой всеобщностью и самодостаточностью ложного сознания. «Идеология, – пишет Ф. Энгельс в письме к Ф. Мерингу, – это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом» [20, с. 83].

Идеология понимается Марксом как воображаемая конструкция, чистая грёза, подобная сновидению, пустая и напрасная, состоящая из «дневных остатков» единственно полной и позитивной реальности. Однако, разоблачая идеологию как ложное мышление, Маркс не применял подобный подход к созданной им самим системе, настаивая на понимании марксизма как научной теории социализма, неразрывно связанной с классовой борьбой пролетариата. Полагая, что пролетариат не нуждается в иллюзиях, авторы характеризовали коммунистическую доктрину как общее выражение действительных отношений проходящей классовой борьбы и выражение свершающегося на наших глазах исторического движения [19, с. 438]. Но неспособность мыслителей подвести свою собственную позицию под созданное ими же понятие идеологии не отменяет того факта, что с точки зрения макросоциологии марксизм позволяет объяснять процессы, происходящие в общественном сознании, в контексте объективных социальных изменений.

В.И. Ленин, являясь последователем идей Маркса и Энгельса, привносит в понятие идеологии определённое классовое содержание. Он не занимался пристальным исследованием интересующего нас феномена, однако настаивал на принципиальном различии между научной социалистической идеологией и ненаучной идеологией консервативных сил, чем породил массу философских споров. Следует признать, в данной точке зрения есть определённое рациональное зерно: логика подсказывает, что если признать групповой субъект носителем идеологии, то следует согласиться, что в равной степени интересы и буржуазии и пролетариата имеют под собой материальное основание и существенную прагматичную направленность. Но следует помнить, что буржуазия как класс весьма немногочисленна по сравнению с пролетариатом, а потому обоснование интересов большинства не требует извращения фактов и уловок, в то время как популяризация

интересов меньшинства – задача для ангажированного теоретика [12]. Аналогичную мысль формулирует Н. Луман: «Опора всякой власти состоит прежде всего в некоммуницированности проблемы, с которой идеология связана, в зашифровке того, что её вдохновляет, в невидимости её исходного пункта» [14, с. 199].

Однако в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса для термина «иллюзия» антиподом преимущественно выступает термин «реальность» или «действительность». Причём взаимосвязь реальности и иллюзии характеризуется не противопоставлением, а взаимной обусловленностью. А именно: идеология есть иллюзорное представление о реальности, вызванное данной реальностью и включённое в неё. Следовательно, сутью идеологии является самообман, а не обман или принуждение.

Так, русский мыслитель-марксист А. Богданов, чётко разделяя понятия идеологического и идеалистического, писал, что идеологи идеализма органически противны идеологам пролетариата, что определённо согласуется с тезисами Ленина [5, с. 111]. При этом он утверждал, что в организаторских указаниях идеолога нет общественно-принудительной силы, он убеждает, а не принуждает. А последователь данного идеолога может, в свою очередь, убеждать его действовать так, а не иначе, может давать ему указания и ставить ему требования относительно его идеологической работы, но опять-таки без всякого внешнего принуждения, примерно так, как читатель учится у писателя, подчиняется ему в некоторых областях мышления и практики.

Маркс, исследуя идеологические формы сознания, противопоставлял им науку, трактуя её как «действительное» сознание или верное отражение реальности сознанием. Хотя науку, как область духовного производства, априори, согласно логике самого Маркса следовало бы отнести к форме ложного сознания. Однако Маркс оставляет за наукой возможность постижения объективной истины. Таким образом, сознание может быть как идеологическим, так и научным, или, иными словами, иллюзорным и истинным. Подобная позиция вполне очевидна и объяснима при условии, что Маркс, как диалектик и приверженец гегелевской традиции, неизбежно воспринимал феномены идеологии и науки как противоречие, а не как метафизическое противопоставление. И поскольку общественное сознание и в наши дни, и во времена Маркса содержало и содержит в себе элементы как идеологии, так и науки, то способ их взаимодействия и динамика развития этого процесса является сутью в вопросе исследования влияния идеологии на общество.

В то же время в острой полемике с идеями Маркса М. Вебер чётко разграничивал науку и идеологию, относя последнюю к области веры и отрицая саму возможность постановки вопроса о её научности [6, с. 534–541]. Р. Мёртон, Т. Гейгер, В. Парето, Э. Топич и Э. Дюркгейм вслед за М. Вебером рассматривают идеологию как разновидность ложного сознания, также противопоставляя ей науку [9, с. 19–21].

Таким образом, ряд исследователей феномена идеологии настойчиво и намеренно различают идеологию и науку, отстаивая позицию их принципиального противопоставления. Однако, на наш взгляд, подобная позиция не вполне корректна, поскольку наука – это система знаний о сущностях явлений конкретной предметной области, сформированная на базе определённых методологий и методик, выраженных с помощью теоретических форм (категорий, законов, принципов и определений) и служащих познанию и преобразованию

явлений действительности [10, с. 253–258]. При этом, не отрицая существующие различия, сравнительный анализ феноменов позволяет выделить следующие сходные черты:

1. идеология и наука – элементы единого информационного процесса современного общества;
2. и идеология, и наука – информационные системы (идей/знаний);
3. содержание обоих феноменов ориентировано на практическую деятельность людей;
4. наука и идеология выполняют схожие функции: гносеологическую, методическую, методологическую, мировоззренческую;
5. для обоих феноменов характерно выражение посредством одних и тех же теоретических форм – категорий, принципов, законов, идей и т. д.;
6. подобно науке объективная идеология отражает явления своей предметной области на уровне их сущностей, а именно: коренные интересы определённой социальной группы.

Указанные черты позволяют говорить о научной идеологии как о правомерном явлении. Однако, акцентируя внимание именно на научной идеологии, необходимо отметить тот факт, что идеология может быть сформирована и обыденным сознанием, но в таком случае она будет иметь принципиальные отличия от науки. Обыденное сознание, в силу своей неоднородности и инерционности, является крайне сложным феноменом, имеющим в своей основе как результаты противоречивого жизненного опыта, так и разнообразные идеологические установки. Однако, став частью обыденного сознания, идеологические феномены, хотя и придают ему дополнительную аргументацию, тем не менее не сообщают ему научности, поскольку в организации такого сознания сохраняются изначальные эклектичность и бессистемность.

Из работ К. Маркса берёт своё основное положение социология знания, утверждая, что социальное бытие определяет человеческое сознание. Однако подход к вопросам изучения социального бытия совсем иной. В менее явной форме социологией знания были заимствованы ницшеанские идеи², поскольку

---

² Представления о том, что ценности и мировоззрения имеют социальное происхождение можно найти ещё в античности. Изучение социума всегда направлено на объяснение существующих общественных отношений, а также стремится либо усовершенствовать социальное бытие, либо завуалировать противоречие сущего и должного через прославление настоящего. У Платона попытка теоретического разрешения указанного противоречия вырастает в утопическое учение о государстве. Соответственно бытие есть противостояние мира чувственного и мира сверхчувственного. По мысли Ницше, противоречие сущего и должного – противоречие моральное, заключающееся в противопоставлении моральных ценностей рабов и господ. Но, будучи неспособными физически противостоять угнетению, рабы прибегают к противостоянию духовному, основанному на радикальной переоценке общественных ценностей [23, с. 424]. Основываясь по сути на библейских текстах [13], Ницше тем не менее отрицает любую мораль – и религиозную, и светскую – как «убийцу» жизни, поскольку жизнь зиждется на видимости, искусстве, иллюзии, самообмане. Всё живое окружает себя дымкою тайны, облекается в покровы спасительных иллюзий. Таким образом, иллюзия у Ницше – благо, поскольку жить и быть несправедливым – одно и то же, в то время как наука, расширяя границы знания, разрушает иллюзии, а историческое познание восстанавливает справедливость, противную существу жизни [15, с. 359, 363–364].

Ф. Ницше разработал собственную идею «ложного сознания», исходя из анализа социального значения обмана, самообмана и иллюзий [22].

Одним из родоначальников позитивистского подхода к изучению проблем идеологии был К. Манхейм. Идеологии при таком подходе приравниваются к ценностной ориентации субъекта в обществе, поскольку любая идеология ориентирует носителя на достижение конкретных целей. И поскольку любая цель мотивируется потребностями, то среди всего многообразия потребностей неизбежно присутствуют те, что носят характер ценностей для человека или социальной группы. И именно по причине своей ценностной ориентации идеология ложна по сути, так как неизбежно искажает восприятие окружающей действительности, в то время как истину можно обрести только в мире научных фактов. Следует заметить, что подобная ориентация на достижение конкретных целей всегда логически обоснована, и поскольку не существует иррациональных идеологий, то ни одну из них нельзя никоим образом отнести к области веры.

При этом К. Манхейм, хотя и следовал за идеями М. Вебера, различал три уровня в понятии «идеология» [4, с. 22]:

1. частичный (партикулярный), когда идеология понимается как часть мышления оппонента;
2. тотальный, подразумевающий идеологию как мышление оппонента целиком (подобно «ложному сознанию» по К. Марксу);
3. общий, характеризующий как мышление оппонента, так и наше собственное мышление (наблюдателя/исследователя).

Как можно заметить, Манхейм в своих рассуждениях пошёл дальше своих предшественников, преодолев их представления о рассматриваемом феномене, и предпринял попытку сделать идеологию инструментальным понятием для науки, придав ей функции познавательного фильтра [16, с. 56–58]. Он показал, что идеология – это система взглядов и ни один субъект не воспринимает объекты окружающей действительности такими, как они есть: он их или не замечает, или воспринимает в трактовке разделяемой идеологии, достигая непротиворечивости наблюдаемой картины мира. Установление взаимосвязи между структурой сознания и социальной ситуацией позволило утверждать, что структура бытия приводит к определённой интерпретации этого бытия. «...Идеологичность человеческого мышления не рассматривается более как неправда, ложь и т. д., но, как уже было указано, находит своё объяснение в обусловленности мышления бытием» [16, с. 73]. Всё человеческое сознание в целом находится под влиянием идеологического контекста. Идеологичность определяется оценочно-ориентирующей функцией сознания, направленной либо на сохранение действительности (идеология), либо на её изменение (утопия). Особо Манхейм выделял и подчёркивал силу именно «утопического» мышления, которое, как и идеология, хотя и создаёт искажённый образ социальной реальности, но в отличие от неё имеет возможность для преобразования этой реальности в своё представление о ней.

В работе «Идеология и утопия» он даёт идеологии следующую характеристику: «В слове “идеология” имплицитно содержится понимание того, что в определённых ситуациях коллективное бессознательное определённых групп скрывает действительное состояние общества как от себя, так и от других и тем самым стабилизирует его» [16, с. 40]. И поскольку это коллективное бессознательное существует в виде ценностей, то идеология, следовательно, приравнива-

ется к ценностной ориентации индивида в обществе. Таким образом, в современной социологии знания преодолевается односторонность марксистской концепции, однозначно утверждающей обусловленность идеологии интересами классов.

С позитивистской точки зрения объективная реальность предстаёт перед исследователем как конституированная совокупность объектов, подлежащих интерпретации. Феноменологический же подход, в отличие от позитивистского, подразумевает проблематичность анализа социальной действительности, в силу её изначальной неоднозначности и инвариантности её восприятия различными наблюдателями. Следовательно, общественные отношения не поддаются строгому научному определению и сознательному регулированию. При этом идеи и ценности существуют объективно в виде стихийно складывающихся мировоззрений. Человек, обладая обыденным знанием, в стремлении обрести целостную картину мира вырабатывает систему ценностей, норм и моделей поведения, могущих образовать ядро идеологии. Кроме того, в противовес взглядам марксизма феноменология утверждает, что субъективная сторона человеческой деятельности (идеалы, цели, ценности и т. п.) является не столько отражением материальных условий бытия, сколько творческим началом, выступающим предпосылкой и основанием для преобразования окружающей действительности. «Проектирование... действий ...представляет собой мотивированное фантазирование. <...> Осуществимость проекта на практике есть условие всякого проектирования, могущего быть переведённым в цель. Проектирование этого рода является, стало быть, фантазированием в заданных или, лучше сказать, навязанных рамках, и навязаны они самой реальностью» [24, с. 122]. Иными словами, сознание определяет бытие, хотя последнее существенно ограничивает его возможности. Впрочем, «абсолютизовав субъективность, не поняв конечной объективной детерминированности человеческих целей и интересов, её (феноменологии. – прим Д.Р.) теоретики довели принцип активности сознания до абсурда, отождествив социальный мир с субъективными представлениями о нём» [11, с. 140].

Позднее представителями Франкфуртской школы неомарксизма был выдвинут тезис о гиперидеологичности реальности. В соответствии с ним идеология является ложной в силу «ложности самой действительности», её тотальной идеологичности, а вовсе не по причине обусловленности идеологии социально-политическими интересами или её ценностной сущности. Предложенный Г. Маркузе термин «одномерный человек» был сформулирован в процессе изучения проблемы ложного сознания и манипулирования сознанием как народных масс, так и отдельного человека.

Согласно его выводам наука и техника приобретают статус новой идеологии, производя насквозь идеологичные теоретические концепции, которые, в свою очередь, порождают «ложные потребности». Ложными считаются те, что навязываются индивиду особыми социальными интересами в процессе его подавления: это потребности, закрепляющие тягостный труд, агрессивность, нищету и несправедливость. С усвоением ложных потребностей неизбежно формируется ложное сознание. В подобных условиях понятие отчуждения делается сомнительным, поскольку индивиды отождествляют себя со способом бытия, им навязываемым, и в нём находят пути своего развития и удовлетворения. И эта идентификация – не иллюзия, а действительность, которая, однако, ведёт к новым ступеням отчуждения. Последнее становится всецело объективным, и

отчуждённый субъект поглощается формой отчуждённого бытия. Теперь существует одно измерение – повсюду и во всех формах [21, с. 6–15]. Впрочем, Маркузе оставляет индивиду право решающего голоса в вопросе, какие потребности истинны, а какие нет, но только в том случае, когда индивид свободен настолько, чтобы дать собственный ответ. А до тех пор, пока его сознание – объект внушения и манипулирования, ответ не может быть окончательным.

Однако поглощение идеологии действительностью не означает «конца идеологии». Напротив, в специфическом смысле развитая индустриальная культура становится даже более идеологизированной, чем её предшественница, ввиду того, что идеология воспроизводит самое себя [25]. Такой взгляд на идеологию подчёркивает её по истине всеобъемлющий характер, потому как в условиях современного общества в любом социальном действии предусматривается наличие определённых интересов его участников.

Значительное внимание идеологии в своих исследованиях уделял французский мыслитель Л. Альтюссер. Будучи последовательным наследником идей марксизма, он активно изучал проблематику классовой борьбы и оказал существенное влияние на развитие теории идеологии, исследуя вопрос осуществления идеологического воздействия на индивидуума. Согласно его идеям, все государственные аппараты функционируют репрессивным и идеологическим образом (государственный – репрессивным, соответственно идеологический – идеологическим), но при этом если государственный аппарат является организованным целым с единым центром управления, то идеологических аппаратов государства (ИАГ) множество³, все они различны и относительно автономны. И если единство государственного аппарата поддерживается его централизованностью, то единство ИАГ обеспечивается господствующей идеологией. Идеология обеспечивает своеобразную «гармонию» государственного и идеологического аппаратов. Однако независимо от способа воздействия все аппараты государства направлены на единую цель воспроизводства производственных отношений и продолжение неизбежной классовой борьбы.

Для выявления сущности, структуры и функций идеологии Альтюссер выдвигает два тезиса:

1. Идеология – это «представление» о воображаемых отношениях индивидуумов с реальными условиями их существования.
2. Идеология обладает материальным существованием.

Говоря марксистским языком, если верно, что представление о реальных условиях существования индивидуумов в конечном счёте связано с отношениями производства и теми отношениями, что зависят от отношений производства, мы можем сказать следующее: всякая идеология в своей необходимо

---

³ Альтюссер выделяет в современных капиталистических общественно-экономических формациях такие идеологические аппараты государства, как школьный, религиозный, семейный, политический, профсоюзный, информационный, культурный и т. д. каждый из них действует на свой манер: политический через подчинение индивидуумов политической идеологии государства; информационный – пичкая граждан национализмом, шовинизмом, морализмом и пр. через прессу, телевидение и радио и т. д. Причём наиболее важную роль, по мнению Альтюссера, играет школьный идеологический аппарат как наиболее влиятельный и масштабный как по степени распространения, так и по времени воздействия на индивидуума.

воображаемой деформации представляет не существующие отношения производства, а прежде всего всё отношение индивидуумов к производственным отношениям и вытекающим из них отношениям [1]. Таким образом, в идеологии отражена не реальная система отношений, которой подчинено существование индивидуумов, а воображаемое отношение этих индивидуумов к реальным отношениям, в которых они живут. И это воображаемое отношение само обладает материальным существованием, поскольку всякий субъект, обладающий сознанием и верящий в те идеи, которые внушает ему собственное сознание и которые он свободно принимает, должен действовать в согласии со своими идеями, т. е. должен вписывать в свою материальную практическую деятельность собственные идеи свободного субъекта. В свою очередь эта практическая деятельность подчинена ритуалам материального существования идеологического аппарата⁴. Следовательно, подобно тому, как экономика трансформирует определённое сырьё в готовый продукт при помощи детерминированных средств производства и производственных отношений, идеология трансформирует отношения между жизненными обстоятельствами индивида и социальной формацией, в которой он существует.

В 50-е гг. XX столетия в западной философской мысли широкое распространение получила концепция деидеологизации. Гносеологической основой данной концепции является определение идеологии как выражения субъективных, классовых интересов и противопоставление её науке как носителю объективной истины. Данное положение очевидно наследует идеи М. Вебера и К. Манхейма и одновременно имеет явно позитивистский характер, постулируя мнение, что всё более возрастающее влияние науки на социальные процессы неизбежно ведёт к снижению влияния идеологических систем. При этом сторонники деидеологизации утверждали, что идеология искажает истинное знание, способствуя приспособлению научных данных к классовой позиции.

Действительно, в развитом индустриальном капиталистическом мире, ввиду неочевидности властных механизмов управления обществом и дифференциации носителей идеологических ценностей по социальным, материальным, духовным и иным параметрам, имеет место размывание смысловых границ различных идеологий и смешение ценностей. Что в свою очередь создаёт определённую иллюзию отступления идеологии, как ценностного регулятора общественной жизни, на второй план по сравнению с такими объективными факторами жизнедеятельности человека, как информация, материальные ресурсы, экология и пр., сопровождающимися стремительным развитием техники и технологий. Иными словами, происходит объективация жизни человека.

Д. Белл в работе «Конец идеологии» детально исследовал процесс становления идеологии как особой сферы научного знания и инструмента политической борьбы в обществе, убедительно доказывая исчерпанность марксизма как идеологии. Как итог автором постулируется, что научно развитое общество более не может позволить себе находиться во власти идеологических иллюзий [26]. Одновременно французский социолог и философ Р. Арон в книге «Опиум для интеллигенции» утверждает, что этим самым «опиумом» является

---

⁴ Под ритуалами следует понимать такие повседневные практики, как посещение богослужения в церкви или занятий в школе, участие в матче спортивного клуба, собрание политической партии и т. п.

не что иное, как идеология [2, с. 182]. Как уже было отмечено, подобные утверждения согласуются с теорией индустриального и постиндустриального общества, согласно которой стремительное развитие технологий материального производства ведёт к возрастанию значимости объективных факторов человеческой жизнедеятельности. Однако следствием из вышесказанного является необходимость выработки единой идеологии для всех под эгидой гуманистических идей и общечеловеческих ценностей. И даже в этом случае, как легко заметить, идеология не исчезает из дискурса, а лишь намеренно отодвигается на второй план.

Таким образом, концепция деидеологизации была существенно контрпродуктивна, поскольку разрабатывалась и развивалась в отрыве от реалий бытия [10, с. 16–17]. Именно поэтому в 70-х гг. XX в. стало очевидно, что в современном мире значимость идеологии нисколько не ослабевает и по-прежнему продолжает играть объединяющую роль в жизни социальных групп. Р.Н. Белла считает: «Проявляя рвение в деле разрешения конкретных проблем, социальные группы не связывают себя с определённой идеологией. Более того, к подобным идеологиям относятся с большим подозрением, и это обстоятельство даёт повод утверждать, что в наш век идеологии придёт конец. Однако, само собой разумеется, что большая часть мира находится сейчас в интенсивно идеологической фазе развития и многие группы в большинстве развитых обществ весьма восприимчивы к идеологическому влиянию. В сущности, сравнительно небольшую группу, для которой уже наступил конец идеологии, можно было бы не принимать во внимание, если бы не тот факт, что она, по-видимому, представляет собой авангард чрезвычайно широкой и крупной по своему масштабу социально-культурной трансформации» [3, с. 279]. Иными словами, стремление к деидеологизации – это стремление к жизни в обществе, в котором нет идеологических распрей, к жизни в гармонично развитом сообществе людей. Однако даже наш повседневный опыт красноречиво свидетельствует, что говорить о едином гуманистическом обществе и наступлении эпохи деидеологии явно преждевременно.

Как следствие, теория деидеологизации породила вакуум общенациональных идей и ценностей, а также вызвала к жизни множество новых общественных движений: зелёные, пацифисты, новые левые и т. д. Деидеологизация сменяется новой концепцией реидеологизации. Её авторы признали, в противовес идеям деидеологизации, что общественные науки не способны дать ответы на вопросы о смысле человеческой жизни, о социальных ценностях, идеалах и целях. Ответы на подобные вопросы, считают они, призвана давать идеология. Поэтому разработка и обновление идеологии возводятся в ранг постоянной задачи по самовоспроизводству общества. К представителям данного направления можно отнести А. Винера, Дж. Лоджа и, как ни странно, большинство авторов концепции деидеологизации. Идеология в современном мире, писал Д. Белл, «это исторически обусловленная система убеждений, которая сплавляет идеи с эмоциями, стремится превратить их в рычаги социального воздействия и, трансформируя идеи, преобразует также людей». В свою очередь Р. Арон в своих работах не столько констатировал конец эпохи идеологии, сколько высказывал надежды на его наступление [2, с. 234]. Таким образом, реидеологизация – это и отрицание, и своеобразное продолжение теории деидеологизации.

Впрочем, авторы обеих этих концепций внесли существенный вклад в работу по изучению идеологий. По сути, самым значимым выводом стало обоснование идеологии как неотъемлемого элемента в организации общественной жизни, выполняющего ряд важных объективных функций. Один из авторов концепции деидеологизации Э. Шилз выводит понятие идеологии из её интегративной функции и способности в определённой степени консолидировать общество. По его мнению, идеология – система убеждения такого типа, которая актуализируется в период серьёзных общественных кризисов. Подобные системы, выступая в качестве политического мировоззрения, имеющего силу веры, обладают особенно большим ориентационным потенциалом и, следовательно, способны обуздать связанные с кризисом процессы социальной аномии.

Таким образом, многообразие исследований, посвящённых проблемам идеологии, красноречиво свидетельствует о действительном существовании исследуемого феномена как значимого элемента социально-политической жизни общества. И даже более того, произошло её утверждение как неотъемлемого атрибута социального бытия и основы повседневных общественных практик. При этом наиболее острые научные дискуссии разворачиваются преимущественно вокруг проблемы объективности отражения идеологией социальных взаимоотношений различных индивидуумов либо их групп, а также её роли в процессе формирования этих отношений. Различия в оценках роли и значимости идеологии определяются преимущественно тем, что идеология как специфическая область социально-культурных феноменов потенциально несёт в себе как позитивные, так и негативные явления, проявляющиеся в зависимости от того, какое место ей отведено в жизни общества, и каким образом с ней обращаются. Будучи продуктом духовного производства конкретного общества, она одновременно и характеризует это общество, и влияет на него в соответствии с заложенными в неё идеями.

Представление об идеологии как о ложном сознании является ключевым в исследованиях конца XIX – первой половины XX в. Однако нетрудно заметить, что такие понятия, как «ложное» и «лживое», не являются синонимами и тем более не тождественны друг другу. Постепенное осознание того факта, что идеологии не обязательно включают в себя только истинное или только ложное знание, приводит к переключению внимания исследователей от определения сущностных качеств и проблем противопоставления истинности и ложности к вопросам анализа идейно-ценностных качеств идеологий и признанию ценностей как основы любой системы взаимосогласованных идей.

Таким образом, эволюция идей позитивистов и марксистов постепенно подводит нас к тому выводу, что идеология может быть ложна не в силу намеренного искажения действительности в стремлении достичь определённых политических целей, а по причине того, что ценности и ориентация на них человека или социальной группы не являются простым и адекватным отражением действительности. Иными словами, ценности и те идеи, в которых они выражены, имеют трансцендентный характер по отношению к объективной реальности, данной человеку в ощущениях. И в то же время человек может воспринимать окружающую реальность только сквозь призму своей идейно-ценностной ориентации и никак иначе.

Следовательно, идеологию следует рассматривать как систему взаимосвязанных идей, выражающую коренные интересы определённой социальной

группы, формирующую её идейно-ценностную ориентацию и побуждающую людей к конкретным социальным действиям.

Список литературы

1. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // НЗ. 2011. № 3 (77). С. 14–58.
2. Арон Р. Опиум для интеллигенции. Мюнхен: ЦОПЭ, 1960. 234 с.
3. Белла Роберт Н. Социология религии // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / сокр. пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского. М.: «Прогресс», 1972. 392 с.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности (Трактат по социологии знания) / пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
5. Богданов А. Из психологии общества. СПб.: Паллада, 1906. 282 с.
6. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
7. Волков Ю.Г. Манифест гуманизма (Идеология и гуманистическое будущее России). М.: Орехово-Зуевская типография, 2000. 138 с.
8. Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеологии в собственном смысле слова / пер. с фр. Д.А. Ланина. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2013. 324 с.
9. Светлов Р.В., Богатырев Д.К., Кожурин А.Я. и др. Идеологии и генезис ценностей современного общества: коллективная монография. СПб.: РХГА, 2016. 352 с.
10. Кокорин А.А. Идеология: хрестоматийные заметки. М.: Изд-во МГОУ, 2007. 358 с.
11. Критика современной буржуазной теоретической социологии / АН СССР, Ин-т социол. исследований. М.: Наука, 1977. 279 с.
12. Ленин В.И. О социалистической идеологии и культуре (сборник). М.: Прогресс, 1982. 223 с.
13. Библия. Синодальный перевод. Евангелие от Луки. Стих 6:20.
14. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // Социо-Логос. М.: Прогресс, 1991. Вып. 1. С. 194–216.
15. Манн Т. Философия Ницше в свете нашего опыта // Манн Т. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 10. С.346–391.
16. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ.; отв. ред. и сост. Я.М. Бергер и др. М.: Юрист, 1994. 697 с.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Изд. 2-е. М.: Издательство политической литературы, 1955–1974. Т. 2.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Изд. 2-е. М.: Издательство политической литературы, 1955–1974. Т. 3.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Изд. 2-е. М.: Издательство политической литературы, 1955–1974. Т. 4.

20. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Изд. 2-е. М.: Издательство политической литературы, 1955–1974. Т. 39.
21. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: «REFL-book», 1994. 368 с.
22. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005. 880 с.
23. Ницше Ф. Генеалогия морали // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. М.: Рипол Классик, 1998. Т. 2. С. 832–864.
24. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
25. Adorno Theodor W. Prismen. Kulturkritik und Gesellschaft. Frankfurt: Suhrkamp, 1955. 342 s.
26. Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. N.Y.: Free Press, 1965. 416 p.

ON THE PROBLEM OF «IDEOLOGY» DEFINITION IN CONTEMPORARY SOCIAL THEORY

D.V. Rodichkin

Moscow Region State University (MRSU), Moscow

The ideology issue belongs to the phenomena that are eternally vital and significant. At the same time, this is an extremely uncomfortable subject for a scholarly analysis provoking ambiguous assessment and approaches to its content and essence. The substantial aspects of ideology, as well as its role and functions constitute the center of attention of experts in this area who are concerned with theoretical-methodological and applied issues of its study. The article is aimed at the analysis of various interpretations of this phenomenon permitting to propose a definition of ideology from the standpoint of contemporary social theory.

Keywords: *ideas, ideology, Marxism, class, false consciousness, positivism, deideologization, sociology, interest, values, ideological and value orientation.*

Об авторе:

РОДИЧКИН Дмитрий Викторович – аспирант кафедры философии ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет (МГОУ), Москва, E-mail: rodichkin.dmitriy@yandex.ru

Author information:

RODICHKIN Dmitriy Viktorovich – Ph.D. student of Philosophy Dept., Moscow Region State University (MRSU), Moscow. E-mail: rodichkin.dmitriy@yandex.ru